

УДК 1 (091)

**АНОНИМНЫЙ АНТИЧНЫЙ ТРАКТАТ «О ДОБЛЕСТИ» (PERI ARETES)
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ ДИСКУССИЙ
О ГРАЖДАНСКИХ СВОБОДАХ***

Е. В. Афонасин, Т. М. Суворкина

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
afonasin@post.nsu.ru

Аннотация. Череда олигархических переворотов конца пятого века (от олигархического переворота Четырехсот 411 г. до переворота Тридцати 404 г.) актуализировала в афинском обществе вопрос о фундаментальном значении преодоления этих тираний для восстановления демократии. Политический трактат неизвестного автора, получивший название *Anonymus Iamblichī*, представляет интерес именно в этой связи, особенно, будучи рассмотрен в контексте современных правовых теорий, касающихся гражданских свобод. Нам представляется, что это уникальное сочинение в защиту демократии лучше всего прочитывается в пифагорейском контексте в контрасте с софистами и Платоном.

Ключевые слова: демократия, античные политические теории, *Anonymus Iamblichī*, пифагореизм.

Для цитирования: Афонасин, Е. В., Суворкина, Т. М. (2022). Анонимный античный трактат «О доблести» (*Peri aretes*) в свете современных правовых дискуссий о гражданских свободах. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 1. С. 20-27. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.20-27.

**THE ANONYMOUS ANCIENT TREATISE “ON EXCELLENCE (PERI ARETES)”
IN LIGHT OF CONTEMPORARY LEGAL DEBATES
ON CIVIL LIBERTIES***

E. V. Afonasin, T. M. Suvorkina

Institute of philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
afonasin@post.nsu.ru

Abstract. The series of oligarchic coups of the late fifth century (from the oligarchic coup of the Four Hundred in 411 BCE to the coup of the Thirty in 404 BCE) actualized in Athenian society the question of the fundamental importance of overcoming these tyrannies for the restoration of democracy. A political treatise by an unknown author called *Anonymus Iamblichī* is of interest precisely in this regard, especially when considered in the context of contemporary legal theories concerning civil liberties. It seems to us that this unique work in defense of democracy is best understood in the Pythagorean context as contrasted with the Sophists and Plato.

Keywords: democracy, ancient political theories, *Anonymus Iamblichī*, Pythagoreanism.

For citation: Afonasin, E. V., Suvorkina, T. M. (2022). The Anonymous Ancient Treatise “On Excellence (*Peri Aretes*)” in Light of Contemporary Legal Debates on Civil Liberties. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 1. pp. 20-27. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.20-27.

* Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 19-8-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

* This work was supported by the Russian Science Foundation, project No 19-8-00128 “Ancient Epistemology: Eleatics, Sophists, and Plato in New Interpretations”.

νόμῳ καὶ ἀρχόντι καὶ τῷ σοφωτέρῳ εἶκειν κόσμιον.
(Stob. 3.1.45 = Democritus DK 68 B 47)¹

Свобода самовыражения и сознательного гражданского выбора присущи человеку по природе, поэтому уважение к ним является признаком свободного общества. Напротив, всякая тирания стремится утвердиться в первую очередь за счет ограничения этих свобод. Так было не раз прежде, так происходит и ныне. Один из крупнейших юристов современности Джон Ролз [в сб.: Dworkin, 1977, p. 89 ff] проницательно описывает роль гражданских свобод в истории развития правового сознания, в частности, специально выделяя ситуацию осознанного выбора или отказа выбирать (conscientious refusal), а также более радикальное средство их утверждения – гражданское неповиновение (civil disobedience). Последнее – это более общее правовое явление, обычно формулируемое в смысле знаменитой позиции Генри Торо [Bedau, 1961]. В первом же случае речь, как правило, идет о сознательной позиции в отношении того или иного персонального распоряжения, часто административного характера. Таковым был отказ ранних христиан выполнять определенные обряды, предписываемые римскими должностными лицами, или же отказ пацифиста участвовать в несправедливой войне. Кроме того, в отличие от акта гражданского неповиновения, сознательный отказ не представляет собой публичного акта, обращенного ко всему обществу с целью продемонстрировать определенную политическую позицию. Именно с этой целью Сократ, как известно, отказался покидать Афины и потребовал исполнения судебного приговора. Классический пример сознательного отказа – также история, рассказываемая о Сократе Ксенофонтom (*Воспоминания* 1.1.18, ср. также, Платон, *Апология* 32). Ученик великого философа рассказывает, что, в целом, Сократ предпочитал общаться с людьми индивидуально и не любил публичных действий, однако, как все афинские граждане, он должен был время от времени принимать участие в работе городского совета, что и случилось в 406/5 г., когда афинский флот, несмотря на победу в морском сражении при Аргинусских островах, понес тяжелые людские потери, так что командующие им стратеги были обвинены афинянами в преступном неокказании помощи погибающим согражданам, причем коллективно и без должного разбирательства. Сократ, как сообщают наши источники, лишь один отказался участвовать в этих незаконных действиях. «Думаешь, я прожил бы столько лет, если бы действовал официально и поддерживал то, что справедливо?» (*Апология* 32e). Аналогичным образом, когда во времена Тридцати тиранов Сократу и еще четверем гражданам было предписано явиться в Толос на афинской Агоре с целью ареста некоего Леонта, он уклонился от исполнения приказания и незаметно ушел домой («и, наверное, был бы наказан за это, если бы этот режим в скором времени не был свергнут», *Апология* 32c).

Анонимный текст «О законе и справедливости», приписываемый древнему пифагорейцу Архиту Тарентскому и скорее всего происходящий, как показывают Филип Горки и Рэнсом Джонсон [Horky, Johnson, 2020, p. 458] из какого-то перипатетического

¹ Это выражение, должно быть, означает: «Благопристойно уступить закону, архонту и более сведущему». Однако, учитывая значение κόσμιον, которое может указывать на знаки отличия или знаки достоинства соответствующего лица, облеченного властью, вроде звезды шерифа, полицейской формы или царских регалий, можно предположить, что автор изречения призывает подчиниться закону, правителю или более сведущему человеку в силу присущих им одним способностей, тем самым «законное» переводя в сферу «естественного».

сочинения биографического жанра, возможно, принадлежащего ученику Аристотеля Аристоксену (который также был родом из Тарента), занимает примечательное место в античной политической теории хотя бы потому, что с опорой на пифагорейскую идею о том, что право относится к душе человека и его образу жизни так же, как гармонический строй (ἄρμονία) к слуху и пению, убедительно доказывает, что одушевленный закон (правитель) и неодушевленный (писаное право) в некотором смысле взаимно согласованы, причем право первично, так как лишь при его посредстве законен правитель, даже если он правит единолично, подданный свободен, а все сообщество ведет счастливую жизнь (фр. 1 Thesleff, ap. Stob. 4.1.135). Эта математическая метафора, сравнивающая пропорциональность гармонии с «правильностью» закона, представляет собой, как показывает исследование, один из самых ранних примеров защиты народовластия. Примечательно, что далее, рассуждая о справедливом распределении благ, автор трактата не только спорит с традиционным со времен Платона и Аристотеля (см., например: *Политика* 1317a) представлением о том, что распределение при демократическом правлении носит «уравнивающий» характер (арифметическая пропорция), а при олигархическом – «распределяющий» (геометрическая пропорция), но и вводит новый тип распределения в соответствии с гармонической пропорцией, которое, по его представлению, согласуется с упорядоченным движением всего космоса и его планетарным строем, а поэтому позволяет устранить всякую несправедливость в распределении благ (фр. 2 и 4e Thesleff, ap. Stob. 4.1.138). Эта метафора отлично иллюстрирует «пифагорейский» подход к организации социальной жизни, кем бы в действительности не был автор трактата.

Действительно, учитывая контекст политических дискуссий того времени, в особенности платонизм с его установкой на элитарность политической власти, а также, несколько ранее, агрессивную риторику софистов, можно сделать вывод, что свобода связывалась скорее с произволом отдельного лица, нежели каким-либо правом. Вспомним, например, знаменитые рассуждения Фрасимаха о справедливости как чем-то полезном сильному (Платон, *Государство* 338c), либо не менее запоминающееся положение о том, что «благородный нрав» превышает любого закона, так как «справедливость сама может оказаться тираном» (как пишет один из Тридцати тиранов Критий в своей сатировой драме *Сизиф*², фр. 25 DK). Вспомним также слова софиста и члена тиранического правительства Четырехсот Антифонта, утверждающего, что «многое из того, что справедливо по закону, враждебно природе» (фр. 38, 112, P.Оху 1364, col. 2) [Афонасин, 2021]³.

У Псевдо-Архита ключевым понятием становится не произвол, а свобода: подданный свободен (ὁ ἀρχόμενος ἐλεύθερος), так как таким образом понятый νόμος представляет собой отнюдь не «закон», ограничивающий свободу, но некоторое присущее человеку право, обеспечиваемое естественной гармонией между душевной организацией и образом жизни, словом и делом, которое, конечно же, не может оказаться чем-то враждебным природе, как не может навредить природе строй ее же собственных планет!

Кто же прав, Критий или Архит? Эта дилемма находится в центре современных дискуссий о природе права, отчетливо выраженных, например, величайшим правоведом современности Гербертом Хартом, который, критикуя позитивистскую правовую доктрину, согласно коей право есть совокупность принуждающих приказов суверена, отмечает,

² Если только это не цитата из Еврипида.

³ Сюжет этот подробно обсуждается в литературе [из совсем недавних работ см., например: Thomas, 2021].

что право, – даже если на минуту представить, что оно сводится к совокупности правил, – в действительности состоит из таких правил, которые предоставляют определенные права частным лицам. Лишь затем эти правила подкрепляются различными средствами обеспечения этих прав, в том числе «угрозами», сформулированными в виде санкций [Харт, 2007, с. 46-49 и др.]. В основе позитивного законодательства лежит естественное право, однако вопрос в том, как понимать естественное? Полезной стартовой позицией может оказаться, как представляется, идея «минимального содержания естественного права» [Харт, 2007, с. 194 ff], к которой мы еще вернемся.

Еще один интересный аспект теории Архита – признание важности психологической составляющей права. Величайшей и важнейшей формой наказания, по его мнению, должно стать бесчестие (ἀτιμία), тогда как другие формы наказания, такие как штрафы, в действительности лишь способствуют развитию таких пороков, как жадность (φρ.4с). Если вновь вернуться к Антифону, который утверждает, что, если нарушитель закона остался незамеченным, то он избежит позора и наказания, тогда как нарушив законы природы – не избежит (φр. 38, 112, Р.Оху 1364, col. 2) [Афонасин, 2021], мы увидим, что для Архита основное значение имеет то, что современные юристы называют «внутренней формой права» [Харт, 2007, с. 93], тогда как для Антифона – лишь внешний его аспект. Сравним также утверждение Аристотеля, согласно которому народ воздерживается от позорных действий лишь из страха перед наказаниями, с ними ассоциированными, а вовсе не потому, что они позорны сами по себе (*Никомахова этика* 1179b). Очевидно, автор нашего трактата в большей мере, нежели Стагирит, верит в благородство человеческой природы и присущий человеку здравый смысл.

Жанр «наставлений» очень скучный. Мысль не развивается, аргументация не убеждает, даже если перед нами знаменитый «Протрептик» Аристотеля. Однако если мы вдруг сталкиваемся с неизвестным автором, который в контексте одного из таких «наставлений» ратует за демократию на фоне всеобщего увлечения «благородной» тиранией, то на него невозможно не обратить внимание. Речь идет о сочинении неизвестного автора, которое ныне принято называть трактатом «О доблести» [Норку, 2020]. Выдержки из него дошли до нас в составе «Протрептика» неоплатоника Ямвлиха⁴.

Представляется, что, учитывая содержание текста, естественно датировать его классическим периодом, условно говоря, временем старших софистов и Сократа [Норку, 2020, р. 263], и основная проблема, обсуждаемая неизвестным автором, вполне созвучна эпохе. Речь, разумеется, идет о тирании, точнее, о роли закона в ее преодолении. Сюжет, конечно, лучше всего известен благодаря *Горгию* (483b4–c5) Платона, где развивается популярное

⁴ Ямвлих и сам не был чужд политической теории [O'Meara, 1993, 1989 и 2003; Dillon, Polleichtner, 2009; Ямвлих, 2020b]. Это компилятивное сочинение в значительном мере состоит из выдержек из литературы классического периода. Последовательность цитат, в целом, такова: фрагменты пифагорейца Архита (глава 1), пифагорейские Золотые стихи (главы 2–4), выдержки из диалогов Платона, *Евтидема*, *Законов*, *Государства*, *Клитофрона* и *Алкивиада I* (глава 5); выдержки из *Протрептика* Аристотеля (главы 5–12), вновь выдержки из Платона (*Федон*, *Тезет*, *Государство VII*, *Горгий*, *Апология*, *Менексен*, *Законы II*, распределенные по главам 13–19), интересующий нас Анонимус Иамвлихи (глава 20) и, наконец интерпретация различных пифагорейских символов (глава 21). Подробную таблицу составил [Норку, 2020, р. 264]. Подбор материала показывает, что Аноним должен принадлежать классическому периоду. Некоторые авторы датируют его временем Демокрита и Протагора, некоторые склонны видеть в нем продукт пост-платоновской эпохи [Cole, 1961; Thomas, 2021; Norquy, 2020]. [Издания и переводы: Des Places, 1989; Johnson, 1988; Ямвлих, 2020a.]

представление о том, что, по сути, позорное (αἰσχρόν) и несправедливое (ἄδικον)⁵ придумали маленькие и слабые люди для того, чтобы как-то ограничить притязания тех, кто в силах получить большую долю (δυνατοὶ πλέον ἔχειν), даже если эти последние получают ее благодаря своим способностям. В этих фразах так и слышится голос Ницше, вместе с Платоном осуждающий пороки народовластия.

Речь в трактате идет об ἀρετή, ее сущности, формах выражения и способах достижения, что конечно же перекликается с знаменитой ницшеанской концепцией «генеалогии морали». Доблесть сродни совершенству, совершенство же лишено зависти и, тем более, таких ее земных манифестаций, как жадность. Она источник доверия (πίστις), утрата которого, как детально показывает автор трактата, есть основа многих человеческих бед. Недоверие и недостаток социального взаимодействия заставляют людей копить деньги, интриговать, вмешиваться в чужие дела вместо того, чтобы заботиться о своих. Они ложатся спать, не зная, что принесет им завтрашний день и просыпаются в страхе, не веря в благую судьбу, не будучи в силах достойно переносить тяготы и утраты, неизбежные в человеческой жизни. Забывая о добре, они тут же вспоминают все злое и порочное. Всеобщая утрата доверия подтачивает изнутри законность и право, что неизбежно приводит к тому, что на смену власти закона приходит произвол тирана (фр. 8 DK, pp. 102.26 sq. Pistelli). Итак, беззаконие (ἀνομία) – это источник всякой тирании. Сам по себе этот вывод достаточно очевиден, но в данном случае интересен исходный посыл неизвестного автора трактата, достаточно уникальный в античной литературе: источник беззакония – это утрата доверия (πίστις) и недостаток социального взаимодействия (ἐπιμιξία). Некоторые полагают, что справедливое социальное устройство разрушается тираном, способным отнять индивидуальную свободу, но это не так, – утверждает автор трактата. Напротив, неуважение к праву, лишаящее человека свободы, порождает тиранию. Механизм, который представляет наш автор, сродни тому, что красноречиво изображает Платон в восьмой книге *Государства* (557а сл.): казалось бы, – пишет философ, – этот строй наилучший, «словно цветастая ткань цветами испещрен он разнообразными нравами». Но проблема в том, что при таком строе совершенно не обязательно принимать участие в управлении и подчиняться, если ты этого не желаешь, или воевать, когда другие воюют. Неизвестный автор трактата «О добродетели» также считает, что важнейшее достоинство народовластия в том, что человек при этом строе не обязан заниматься политикой (πράγματα), ему достаточно собственных забот (ἔργα), то есть, перекладывая на современный лад, при демократическом строе нет обязательной для всех идеологии (фр. 7 DK, Iambl., Prot. 101.17 sq.). Но далее, по мнению Платона, стремление к свободе и губит демократию, порождая тиранию, «когда во главе государства оказываются дурные виночерпии, то оно не только опьяняется победой в неразбавленном виде, но и своих должностных лиц карает, если те недостаточно уступчивы и ограничивают кому-либо полную свободу» (562с). С этим утверждением неизвестный автор также согласился бы, однако ему важны акценты, и они полностью меняют смысл политической теории, им развиваемой. «Аноним Ямвлиха» стоит на страже демократии: он признает, что взаимное недоверие, пренебрежение к законам, порча нравов, корысть и другие человеческие пороки, не имеющие ничего общего с лучшим человеческим качеством, – доблестью, приводят к внутренним раздорам и в конечном итоге заканчиваются тем, что право и справедливость «покидают» (ἐκλίπη) людей, создавая правовой вакуум, заполняемый беззаконием и тиранией.

⁵ Или, может, вместе с Джоном Ролзом, нечестное (unfair).

Однако этот тиран не бессмертный супергерой, «выточенный из камня», так что ему лишь ненадолго удастся лишить людей их прав: что он может один против всех? Рано или поздно право и справедливость возьмут свое: против тирана восстанет сама природа (фр. 8 DK). Исследователи согласны с тем, что подобное признание «естественности» и неизбежной стабильности народовластия уникально в литературе V–IV вв. до н. э. Единственная параллель, возможно, – пифагорейский политический трактат, приписываемый Архиту [Horky, 2020, p. 288].

«Примерное равенство» людей (хотя они и отличаются друг от друга физической силой, ловкостью и интеллектуальными способностями) лежит в основе человеческого существования и, по мнению Герберта Харта, наряду с такими факторами, как «уязвимость людей», «ограниченность ресурсов» и «ограниченность понимания и силы воли», является одним из условий того, что составляет «минимальное содержание естественного права» [Харт, 2007, с. 194]. Действительно, – пишет он, – «весьма важный факт для понимания различных форм права и морали состоит в том, что ни один индивид не настолько сильнее остальных, чтобы быть в состоянии, не прибегая к сотрудничеству, доминировать над остальными или подчинить их на более чем краткое время ... Этот факт примерного равенства более чем какой-либо другой делает очевидной необходимость системы взаимной сдержанности и компромиссов, лежащей в основе и правовых, и моральных обязанностей. Общественная жизнь с ее правилами, требующими таких уступок, иногда утомительна, но она, во всяком случае, менее отвратительна, менее груба и менее коротка для таких примерно равных существ, чем это было бы при несдерживаемой агрессии. Конечно, ... всегда найдутся те, кто пожелает злоупотреблять ею, одновременно и живя под ее защитой, и нарушая ее ограничения».

Далее он отмечает, что «принципиальную важность факта приблизительного равенства» можно эффективно распространить и на изучение факторов международной жизни, так как он дает лучше понять природу и эволюцию международного права.

Мы не знаем, кто был автором трактата «О доблести». Однако, этот текст явно заслуживает внимательного к себе отношения хотя бы потому, что развиваемая в нем политическая теория оказывается удивительно созвучной современности.

Список литературы / References

Афонасин, Е. В. (2021). *Греческие софисты*. СПб.

Afonasin, E. V. (2021). *The Greek Sophists*. St. Petersburg. (In Russ.)

Харт, Г. (2007). *Понятие права*. Пер. под ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб.

Hart, H. (2007). *The Concept of Law*. Afonasin, E. and Moiseev, S. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Ямвлих. (2020а). *Собрание творений в 4-х томах. Т. 3. Пифагорейское предание*. Пер. с древнегреч. К. Наполи, Т. Сидаша. СПб.

Iamblichus. (2020a). *Collected Works in Four Vols. Vol. 3. The Pythagorean Tradition*. Napoli, K., Sidash, T. M. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Ямвлих. (2020б). *Собрание творений в 4-х томах. Т. 4. Толкования*. Пер. с древнегреч. Е. В. Афонасина, Р. В. Светлова, Л. И. Щеголевой. СПб.

Iamblichus. (2020b). *Collected Works in Four Vols. Vol. 3. Interpretations*. Afonasin, E. V., Svetlov, R. V., Shchegoleva, L. I. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Bedau, H. A. (1961). Civil Disobedience. *The Journal of Philosophy*. Vol. 58. pp. 653-665.

Cole, Jr., Andrew, Th. (1961). The Anonymus Iamblichi and His Place in Greek Political Theory. *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 65. pp. 127-163.

Des Places, E. (transl.). (1989). Iamblichus. *Protreptique*. Paris. Les Belles Lettres.

Dillon, J., Polleichtner, W. (transl.). (2009). Iamblichus of Chalcis. *Letters*. Atlanta. Society of Biblical Literature.

Dworkin, R. M. (ed.). (1977). *The Philosophy of Law*. Oxford.

Horky, Ph., Johnson, M. R. (2020). On Law and Justice: Attributed to Archytas of Tarentum. In Wolfsdorf, D. C. (ed.). *Early Greek Ethics*. Oxford University Press pp. 455-490.

Horky, Ph. (2020). Anonymus Iamblichi, On Excellence (Peri Aretes): A Lost Defense of Democracy. In Wolfsdorf, D. C. (ed.). *Early Greek Ethics*. Oxford University Press. pp. 262-292.

Johnson, T. (transl.). (1988). Iamblichus. *The Exhortation to Philosophy*. Grand Rapids. Phanes Press.

O'Meara, D. J. (1989). *Pythagoras Revived*. Oxford. Clarendon Press.

O'Meara, D. J. (1993). Aspects of Political Philosophy in Iamblichus. In Blumenthal, H. J. & Clark. (eds.). *The Divine Iamblichus: Philosopher and Man of Gods*. Bristol. Bristol Classical Press. pp. 65-73.

O'Meara, D. J. (2003). *Platonopolis*. Oxford. Clarendon Press.

Thomas, Ch. C. S. (2021). *Liberty, Democracy, and the Temptations to Tyranny in the Dialogues of Plato*. Macon. Mercer University Press.

Сведения об авторах / Information about the authors

Афонасин Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: afonasin@post.nsu.ru

Суворкина Татьяна Михайловна – аспирантка Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: in1642p@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 09.12.2021

После доработки: 20.12.2021

Принята к публикации: 21.02.2022

Afonasin Evgeny – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8, e-mail: afonasin@gmail.com

Suvorkina Tatiana – Graduate Student of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva str. 8, e-mail: in1642p@mail.ru

The paper was submitted: 09.12.2021

Received after reworking: 20.12.2021

Accepted for publication: 21.02.2022